

УДК 330.342

Муштук О. З., канд. историч. наук, профессор, заведующий кафедрой Политологии Московской финансово-промышленной академии, г. Москва, mushtuk@mail.ru

ГОСУДАРСТВО КАК «ЗАКОНОДАТЕЛЬ-МОДЕЛЬЕР» СРЕДЫ БИЗНЕСА В РОССИИ

Статья профессора О. З. Муштука открывает новую рубрику «Особое мнение». В этой рубрике будут публиковаться статьи, в которых взгляд на российскую действительность несколько отличается от общепринятого. Кстати, мнение редакции может не совпадать с мнением автора. Однако тем и интересен наш журнал, что в нем, как и в повседневной жизни, отражены различные мнения, взгляды на злободневные проблемы российской экономики. И только время сможет рассудить, кто был ближе к истине.

Рынок традиционно ассоциируется в общественном мнении с безусловным господством частной собственности и реальной свободой частного предпринимательства. Автор статьи в острой, полемичной форме обнажает проблемы российского рынка, который в качестве системообразующего ядра насаждаемых им общественных отношений закрепляет и охраняет многочисленное сословие бюрократии в качестве самодостаточной, всевластной силы. По мнению автора, изменить ситуацию во благо России может только новое поколение людей с мотивацией послужить не себе и своему ближайшему окружению, а Отечеству.

Ключевые слова: азиатский способ производства, технократическая нелегитимность, государство-бюрократия, политическая и бюрократическая элиты, национальные ценности и идеалы.

«Хорошее правительство не то, которое хочет сделать людей счастливыми, а то, которое знает, как это сделать».

(Томас Маколей, английский историк)

О общеизвестно, что рыночная экономика и рыночная политическая демократия в западных странах в их нынешнем развитом виде в целом явились продуктом очень длительной (растянувшейся на века) естественноисторической эволюции, на протяжении которой решающую роль играли факторы стихийного творчества низов. По меньшей мере, государство в этом процессе не выступало в качестве «демиурга-творца», а ограничивалось чаще всего ролью «ночного сторожа», т.е. следило лишь за общественным порядком, а все

остальное отдавало на откуп частной инициативе («невидимой руке» рынка).

Происходившие буржуазные и буржуазно-демократические революции выполняли всего лишь роль «повивальной бабки» капиталистического способа производства, т.е. обычно совершались там и тогда, где и когда в недрах изживавшего себя феодального способа производства складывались и становились преобладающими новые капиталистические отношения. По этой причине они, в принципе, не уничтожали ничего из того, что бы ни бы-

ло обречено предыдущей историей. И не утверждали ничего такого, что бы ни было исподволь, в течение столетий, не возвращено эволюцией.

В России же такое эволюционное развитие, в рамках которого в стране активно утверждался капиталистический способ производства, а в политической сфере наметилась тенденция постепенного перехода от абсолютной монархии к дуалистической (конституционной), в октябре 1917 г. было искусственно прервано. Стране силой государственного принуждения был навязан «априори» подготовленный проект строительства нового социалистического строя, тогда как все, что было возвращено эволюцией, подверглось основательному разрушению.

Однако когда построенное на этой полностью очищенной от «старого исторического мусора» строительной площадке здание «реального социализма» по причине изъянов в самом проекте, «сырости» строительных материалов и технократической несостоятельности самих строителей в одночасье рухнуло, государство в лице номенклатурщиков-прагматиков силой сложившихся обстоятельств инициировало ускоренный переход к рынку.

Иначе говоря, государство и на этом этапе (точно так же, как и в октябре 1917 г.) выступило в роли не «повивальной бабки» нового общественного строя (эволюционно в недрах советской тоталитарной системы рынок если и мог возникнуть, то только в форме патологии), а системообразующего института, который в процессах рыночного реформирования страны одновременно аккумулирует в своих руках функции и «архитектора-проектировщика», и «прораба-строителя».

И опять же, как и в октябре 1917 г., народ принуждается к установлению «царства Божьего» на российской земле, но уже в форме не социализма, а капитализма. Под тем же лозунгом полного «отречения от старого мира» вновь до основания раз-

рушается все то, что было создано тяжким трудом предыдущих социалистических поколений, и предаются анафеме коллективистские формы общественного бытия, исходя из «презумпции»: «частное — хорошо», тогда как все «общественное — плохо».

Как пишет по этому поводу бывший председатель Совета Федерации РФ Егор Строев, в деле рыночной «реформации» России «конкретные формы, методы и темпы осуществления преобразований стали определяться преимущественно политической волей и фантазией узкого слоя реформаторов, ориентировавшихся не столько на российские реалии, сколько на зарубежный опыт... С подавляющим большинством населения тем временем обошлись как со своего рода строительным материалом или как с пластилином, которому можно придать любую форму. При этом в волевом порядке подверглись разрушению формы общественной организации, глубоко проросшие в народную жизнь».

Это, конечно, беда — но беда в какой-то мере неизбежная. Объективная реальность такова, что общество, в котором за годы советской власти буквально вытравили все, что было связано с частнокапиталистическими формами организации общественной жизни, никогда не сможет прийти к цивилизованным рыночным отношениям, а следовательно, и к рыночной политической демократии, без соответствующего государственного обеспечения.

Как свидетельствует опыт всех стран, осуществляющих так называемую догоняющую модернизацию, в силу неразвитости (или полного отсутствия) в них эволюционно сформировавшейся рыночной инфраструктуры, отлаженной системы рыночных механизмов, именно государство как «особая организация силы» и обладатель «мегакапитала» (всех видов капиталов, наличествующих в данном социуме) повсеместно выступает ключевым субъектом модернизации, ее внутренним мотором.

Российское государство как институт, «приватизированный» чиновничьей корпорацией

Важную роль играет реформоспособность российского государства, т.е. то, насколько далеко (т.е. до каких пределов) оно может двигаться в выбранном направлении. С этой точки зрения все беды России исходят оттого, что российское государство как властный институт, обладающий монополией на принуждение, не являет собой «государство-нацию», т.е. институт, отождествляющий себя с обществом как единым целым и всецело стоящий у него на службе и им же контролируемый.

Российское государство, в котором власть всегда забывала и забывает, что она не первична, а вторична по отношению к социуму, является «государством-бюрократией». Это институт, который «приватизирован» особым сословием государственных чиновников в качестве «вещи для себя», а не «для всех», а посему подчиняющий себе общество, стоящий над ним. Он выступает по отношению к обществу в роли не его «вышколенного слуги», а всепоглощающего и «всепожирающего» чиновничье-его монстра, который не только не уменьшается, а постоянно увеличивается в своих размерах (несмотря на все попытки сокращения в ходе административной реформы). По отношению к 1990г. общая численность отечественной бюрократии (или привилегированной, надменной касты «чинороссов», по определению главного редактора «АиФ» Н. Зяткова) практически удвоилась и составляет сегодня более 1,7 млн человек. Если при М. Горбачеве 1 чиновник приходился на 220 жителей, включая младенцев, то сейчас — 1 на 100 жителей. И это не считая функционеров из бизнес-структур, общественных и партийных организаций.

Следует подчеркнуть, что в своей основной массе российские чиновники, в

том числе самого высокого ранга, которых бесплатно и с ветерком возят как минимум 40 тыс. импортных и дорогих авто общей стоимостью 40 млрд руб., не против рынка — но рынка не «европейского» с безусловным господством частной собственности и реальной свободой частного предпринимательства, которые максимально рационализируют и «одомашнивают» бюрократию, вымывая в структуре государственного управления все лишние звенья.

Речь идет о рынке «азиатском» (о своего рода азиатском способе производства), но обрамленном в «либерально-радикальные лексические одежды» (под выстроенной наспех демократической «крышей»), в котором свобода частной собственности и частного предпринимательства только декларируется Конституцией РФ. Тогда как де-факто она имеет усеченно-деформированный характер, никак не гарантируется и не поддерживается государством.

Речь идет о рынке, который в качестве системообразующего ядра насаждаемых им общественных отношений закрепляет и охраняет многочисленное сословие бюрократии в качестве самодостаточной, всевластной силы — надменной замкнутой касты, наделившей себя статусом единственно правомочной «распределяющей» и «разрешающей» инстанции, для которой государственная служба перестает быть «службой царю и Отечеству» и превращается в удобную для протектирования и развития собственного дела «политическую крышу».

Еще в советское время, несмотря на декларацию: «народ — хозяин страны и ее богатств», государством на самом деле владела бюрократия. Это классоподобный слой, который в условиях полностью огосударствленной (этатизированной) экономики, формально не обладая собственностью на средства производства, фактически управлял и распоряжался ими. Он

строил свое благополучие на социальной функции редистрибуции, т.е. паразитировал на перераспределении государственных доходов и ресурсов.

С момента перестройки, особенно после августа 1991г., это сословие во главе с номенклатурой, активно используя сконцентрированную в его руках власть и корпоративную солидарность, начинает процесс приватизации государственной собственности. Однако при этом не происходит отказа от сословных привилегий, в результате которого номенклатура могла бы превратиться в классическую буржуазию, производя обмен власти на собственность. Последняя, т.е. собственность, просто-напросто «приплюсовывается» к власти. Тем самым порождается особый бюрократический подтип буржуазии, которую принято называть этакратической — т.е. государственной — буржуазией, а возникающий на этой социальной основе строй — номенклатурным (бюрократическим) капитализмом.

Кроме «прихвата собственности», отечественная бюрократия интенсивно капитализирует и свои властно-распорядительные функции, а также то, что в современной социологии именуется «социальными сетями», — связи, личные контакты, знание неформального «операционного кодекса», посредством которого оперативно решается большинство текущих вопросов, и т.д.

Что касается разгосударствления экономики, то преобладающее большинство бюрократии считает, что переход государственной собственности в частные руки и дальнейшее ее функционирование должны иметь характер не права, равного для всех граждан, а исключительно привилегии, предоставляемой (или не предоставляемой) чиновниками по их собственному усмотрению или, что будет точнее, только за определенную мзду — в рамках алгоритма, определение которому дал незаб-

венный герой Ильфа и Петрова: «Утром — деньги, вечером — стулья».

Однако сегодняшнему российскому чиновнику одних взяток уже мало. Он, не стесняясь (с «чихом» на законодательный запрет совмещения государственной службы и частнопредпринимательской деятельности), сам идет в бизнес. Он готов застолбить себе место в чужом успешном бизнес-проекте, а лучше всего — его отобрать. Как свидетельствует президент общероссийской общественной организации малого и среднего бизнеса «ОПОРА России» С. Борисов, российский «чиновник теперь не просто требует: заплати мне «кэш». Он теперь требует пустить его самого или его структуру «в долю». Может потребовать вообще уйти с какого-то сегмента рынка. И это явление становится все более массовым, особенно в регионах».

На чиновничье рейдерство указывает и директор департамента стратегического анализа «ФБК-консалтинг» Игорь Николаев, подчеркивая, что наши «чиновники, вкусив административной ренты, перестали удовлетворяться получением отката. Они теперь хотят получить бизнес под свой контроль». А так как захватить какую-то крупную, успешную компанию достаточно сложно, с помощью административных рычагов захватываются динамично развивающиеся фирмы, представляющие средний и малый бизнес.

Свободе частного предпринимательства и здоровой конкуренции отнюдь не способствует так называемая «бархатная реприватизация» 2000-х годов, в рамках которой государство активно приобретало предприятия, причем не только те, которые представляют стратегический интерес или значимы для национальной безопасности. Как отмечает президент РСПП А. Шохин, «часто государство заходит в бизнес, даже когда существующие собственники эффективны. Нередко активы приобретаются по минимальному уровню рыночной стоимости из-за того, что прежним владельцам искусственно создаются разные про-

блемы... Сохранение олигархической системы крайне опасно для бизнеса. Но если в 90-е гг. бизнес влиял на власть, то сейчас само государство, вернее бюрократия, создает олигархические структуры, которые держат бизнес «под колпаком».

В таком же ключе высказывается и эксперт по вопросам взаимодействия государства и бизнеса Виктор Обухов, подчеркивая, что «отношения власти с богатыми мира сего все больше напоминают политику «кнута и пряника». Одним предлагают обратить «нажитую непосильным трудом» собственность в наличные (имеется в виду выкуп у бывшего хозяина Чукотки Р. Абрамовича «Сибнефти» за 13 млрд долл. в 2005 г. — *О. М.*). Других выдавливают из бизнеса, прокручивая через налоговые и судебные жернова. Но финал всех историй один — власть возвращает в свои руки «командные высоты в экономике».

По оценкам Альфа-Банка, государство уже контролирует 30% капитализации России. В денежном выражении его капитал вырос с 48 млрд долл. в середине 2003 г. до почти 190 млрд долл. в начале 2006 г.

Оценивая этот процесс, нельзя, конечно, не признать, что было бы большой (если не сказать — преступной) глупостью со стороны правительства сидеть сложа руки, пока крупные сырьевые холдинги подминают под себя экономику. Безусловно, прав главный экономист «Тройка Диалог» Евгений Гавриленков, когда говорит, что «только власть способна ослабить сырьевую зависимость России — бизнес этим заниматься не будет: ему выгодно и дальше продавать нефть за рубеж. Но у государства есть два способа добиться своей цели. Один — сложный, трудоемкий: развивать конкуренцию, бороться с олигархами с помощью антимонопольной политики. Другой — самому создавать новые источники роста, пускай и путем национализации. Судя по всему, был выбран более простой путь».

Но у этого «простого пути» есть своя, опасная для судьбы рыночной политической и экономической демократии в России подноготная, связанная с «зашкаливающим» всевластием бюрократии. «Почему-то все в России, кто сегодня поддерживает идею пересмотра итогов приватизации, подразумевает, что собственность отойдет государству. Это вовсе не обязательно», — не без основания замечает Борис Березовский. На самом деле «собственность перераспределяется в пользу сегодняшней бюрократии. В свое время они не верили в приватизацию, не поучаствовали в ней. Проспали революцию. Тогда к ним приходили, просили поставить закорючку, чтобы передать какое-нибудь предприятие частному инвестору. И они подписывали за 1000 долларов, буквально за взятку, раздавая миллиардную собственность. А теперь очнулись: неужели собственность стала частной?! А как же мы?».

В этом свете с изрядной долей пессимизма можно сказать, что ответ на поставленный в свое время А. И. Солженицыным вопрос, как нам обустроить постсоциалистическую Россию, сегодня в значительной мере получен. Страну действительно уже «обустроили». И главным субъектом этого «действия» выступила чиновничья корпорация, которая сумела «конвертировать» самое себя из приказчика в управляющего. И опять, как и в старые социалистические времена, «правит бал» не тот, кто производит, лечит, учит и т.д., а тот, кто разрешает или запрещает, «казнит» или «милует». И русская (российская) жизнь — чем дальше, тем больше — становится очень похожей на советскую.

В одном из интервью «Независимой газете» Александр Яковлев подчеркивал в этой связи: «Ведь очевидно, что чиновничество, всевластие которого было подорвано уже с началом перестройки, сегодня берет реванш, снова становится безраздельным хозяином положения... Бюрократии не нужны реформы, как не нужны

ей демократия, гражданские свободы, независимое судопроизводство... Если кто и погубит все, что сделано за последние 15 лет, а в конечном счете и страну, так это наш чиновник» — малоквалифицированный, развращенный коррупцией чиновник, заинтересованный не в модернизации России, а в консервации существующей системы номенклатурно-бюрократического капитализма, приносящей ему жирную административную ренту.

Революция без революции в ключевом для нее вопросе — вопросе о власти

«Нынешнему поколению россиян, — пишет политолог Владимир Пастухов, — кажется, что их жизнь началась с «чистого листа». Катаклизмы 90-х годов оно склонно сравнивать по значимости и глубине с большевистской революцией. Это серьезное заблуждение. В начале XX века Россию потрясла социальная революция, в результате которой к власти пришла совершенно новая элита. В конце все ограничилось политической революцией, при помощи которой старая элита «перетрясла» политические и правовые отношения в стране в соответствии со своими новыми убеждениями и интересами».

С этим мнением нельзя не согласиться. Но с одним небольшим уточнением. Пришедшая к власти в октябре 1917 г. «совершенно новая элита» на самом деле не была таковой на 100%, так как впитала в себя и часть старой царской элиты, правда, очень незначительную (в основном из числа административно-бюрократической), тогда как судьбы большинства были трагичны. С революцией конца XX в. все обстоит с точностью до наоборот. Это в решающей степени связано с тем, что в первом случае мы имеем дело с вооруженным (насильственным и кровавым) захватом власти и основательным разрушением «старого мира», с при-

нудительной «экспроприацией» его «опорных» слоев и классов. Во втором — с неким подобием «антиконституционного переворота» — мирной (бескровной) «революцией верхов».

Несмотря на то что эта революция, как и первая, вселенски разрушила старое, тем не менее она сохранила жизнь советской и партийной номенклатуре, проявив по отношению к ней «высочайший гуманизм» — отказавшись (вопреки всякой революционной логике и смыслу) от полномасштабной люстрации, т. е. от массового отстранения от власти через запрет занимать ответственные должности в государственном аппарате, избираться в представительные органы и т. д.

В результате абсолютное большинство старой — «социалистической» — элиты относительно спокойно и мирно трансформировалось в новую «демократическую» элиту — или политическую, или экономическую (т. е. бизнес-элилу). Или в симбиоз той и другой в облике новой этакратической элиты, в руках которой обе формы власти (политическая и экономическая) оказались сращенными друг с другом.

Такой ход развития событий дает основания говорить о новой политической элите в России как об элите, «становой хребет» которой составили те, которых раньше называли «вожаками масс» и «крепкими хозяйственниками». Они сумели благодаря гипертрофически развитой способности постоянно «держат нос по ветру», вовремя подсуетиться и запрыгнуть в «VIP-вагон демократии», тронувшийся с исторического перрона России.

Если еще вчера все они с упоением кричали: «Да здравствует коммунизм!», то сегодня с таким же упоением кричат: «Да здравствует капитализм!», предавая анафеме строй, которому, казалось бы, верой и правдой служили всю свою сознательную жизнь. В итоге, как оказалось, истинных приверженцев социалистической идеи — как идеи социально справедливого обустройства

общественной жизни — среди них не было. А если и было, то ровно столько, сколько «кот заплакал». Для абсолютного большинства коммунистическая идеология превратилась в набор формул и штампов, которые необходимо было произносить как заклинания ради денег и карьеры.

В этой фактической деидеологизации (или идеологической «десоциализации») и вырождении «больших функциональных членов» КПСС и советского аппарата кроется если не ключевая, то одна из основных причин краха социализма в СССР.

Как бы там ни было, следует признать, что знамена в нынешней России действительно новые, а вот знаменосцы чаще всего старые. И генезис (кристаллизация) новой политической элиты в России своими корнями глубоко уходит в старую, что обуславливает сильную генетическую зависимость первой от второй.

То обстоятельство, что на рубеже 90-х годов «социальный лифт» резко взметнул вверх также многих представителей неноменклатурных (или околономенклатурных) слоев, ничего в этом плане не меняет. Вхождение в эту новую элиту «выходцев из народа», в том числе многих представителей демократически настроенной интеллигенции, создало только иллюзию серьезного обновления, тогда как на самом деле никакой качественной трансформации и отказа от традиционных способов и технологий властвования не произошло.

Как признает Г. Х. Попов, «хождение демократов во власть» было их «самой серьезной ошибкой в революции 1990–1991 годов». Поскольку они «позволили номенклатуре сначала «употребить себя» (для придания респектабельности и создания новой рекламной упаковки), а «потом вышвырнуть (за ненужностью) за дверь».

Те же «дети семьи трудовой», которые избежали подобной участи, очень быстро утратили облик народных защитников и борцов за социальную справедливость и превратились в сиятельных надменных

вельмож. При этом они не только присвоили, но и приумножили в несколько раз привилегии старой элиты, живя по самым высоким западным стандартам (а нередко и превосходя их).

В результате революция, изначально направленная против номенклатуры и номенклатурных привилегий, де-факто стала революцией во имя номенклатуры и для номенклатуры. К власти на самом деле пришли не демократы, а страстно возжелавшие стать капиталистами коммунисты-«оборотни». Пришли не ради созидания, а с единственной целью — произвести «целенаправленный взрыв» отношений собственности. Таким образом, те, кто обладал собственностью только де-факто (имея право распоряжаться ею, не будучи формально ее владельцем), желал распоряжаться ею де-юре, т.е. уже на правах владельца.

Вот почему бывшая «советская» элита на протяжении всех лет рыночных реформ только тем и занималась, что «прихватывала» государственное и делала его своим. Тем самым перед всем миром они представляли элитой, которая, если перефразировать М. Е. Салтыкова-Щедрина, не служит Отечеству, а пожирает его, придерживаясь алгоритма жизни французских королей: «После нас хоть потоп».

Абсолютно прав оказался имперский державник Константин Леонтьев, который еще в 1891 г. перед смертью пророчил: «России социализма не миновать, но это лишь половина беды, другая половина наступит, когда Россия из социализма будет выходить».

Ломать — не строить: технократическая нелегитимность правящей элиты и факторы, ее обуславливающие

Весной 1998 г. по заказу Комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации г. Москвы под руководством

Таблица 1

№ п/п	Причина	% к итогу
1	Отсутствие четкой правительственной программы рыночных реформ и кадровая чехарда во властных структурах	77,4
2	Неумение новой элиты толково распорядиться наследством, из которого далеко не все подлежало разрушению	62,6
3	Нетворческое (механическое) применение властями западных схем и конструкций без учета национальной специфики	54,5
4	Предшествующее социалистическое развитие, которое в итоге завело страну в тупик	47,3
5	Преобладание социально-иждивенческих настроений среди большинства россиян, которых приучили «не высовываться» и надеяться не на себя, а на государство	46,0
6	Такова неизбежная плата за рынок — иного нам просто не дано	17,7

автора был проведен опрос 1408 москвичей по поводу тех ценностей, которые предоставляет рыночная экономика. В числе других перед ними был поставлен вопрос о причинах глубокого социально-экономического кризиса и массового обеднения людей, которыми сопровождается переход России к рынку. Отвечая на него, респонденты выстроили весьма нелюбимую для нынешней элиты иерархию этих причин, которая не утратила своей актуальности и сегодня (табл. 1).

Как видно из данных табл. 1, в иерархии причин всех рыночных бед России абсолютное большинство опрошенных москвичей на первое место поставили те, которые подпадают под определение власти как технократически нелегитимной, несостоятельной. При этом речь идет о власти на ее высшем — макросистемном, федеральном — уровне. На первые три причины, связанные с таким определением, в итоге приходится абсолютное большинство ответов — более 61 % их общего числа.

Хотя другие факторы в качестве первопричин глубокого социально-экономического кризиса (кроме последнего варианта ответа) тоже имеют право на жизнь, эта доминанта обвинений правящей элиты в «профнепригодности» представляется вполне правомерной и справедли-

вой. Она созвучна содержанию аналитического доклада РАН о перспективах России на 2008–2016 гг., в котором говорится, что «за последнее десятилетие власть так и не смогла воспользоваться благоприятной мировой конъюнктурой, не сумела направить ресурсы в высокотехнологичные секторы и диверсифицировать экономику. Из-за этого в стране продолжается социальная деградация и примитивизация экономики».

Не секрет, что побежденным и основательно разрушенным во Второй мировой войне Германии и Японии, чтобы совершить «экономическое чудо» и возродиться, понадобилось каких-нибудь 15–20 лет. Мы же за такой период (если датировать старт рыночных реформ августом 1991 г.) пока даже не восстановили в полном объеме то, что (по недомыслию или по злему умыслу) основательно разрушили.

Это подтверждает динамика основных социально-экономических показателей развития России за годы рыночных реформ. Если принять за базовый 1988 г., то 17 лет спустя — в 2005 г. — ВВП по отношению к этому году составил 87,9 %, объем производства продукции промышленности — соответственно 72,9 %, сельского хозяйства — 69,3 %, инвестиции в основной капитал — 40,5 %.

Такой критерий экономической эффективности, как «интеллектуалоемкость» ВВП, за первые 10 лет либеральных реформ снизился на порядок. Если в 1991 г. по этому показателю СССР соответствовал уровню постиндустриальных стран, то сегодня Россия откатилась к странам ранней индустриализации. Технологическое отставание становится катастрофическим.

По свидетельству председателя Союза машиностроителей России Сергея Чemezova, в ключевой отрасли, определяющей уровень национальной безопасности страны, — машиностроении в 2006 г. было произведено всего 10,6 тыс. единиц станочного парка, тогда как в 1990 г. этот показатель был равен 101,5 тыс. В середине 2007 г. станочный парк машиностроения не превышал 1,5 млн единиц, что на 1 млн меньше, чем в 1990 г.

Такая же картина и по уровню жизни: по итогам за 2005 г. этот показатель составлял около 86 % уровня 1991 г. Если в 1990 г. потребление мяса и мясопродуктов на душу населения составляло 75 кг, то в 2005 г. оно снизилось до 55 кг. Потребление молока и молочных продуктов за этот же временной отрезок — соответственно с 385 до 235 л.

В свете этой динамики говорить об экономическом росте России (о котором еще вчера так бойко докладывали президенту федеральные министры) можно с одной весьма существенной оговоркой. Пока мы имеем дело исключительно с так называемым восстановительным ростом. Да и то только благодаря, с одной стороны, наличию несметных природных богатств, а с другой — благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре на сырьевые товары (нефть, газ, металлы).

Что касается особых заслуг в этом росте политической элиты, то они не более чем фантом. Ибо де-факто вплоть до 2005 г. мы плыли, что называется, без руля и ветрил. Политика федеральных властей в основном строилась на знаменитом

русском «авось» — без стратегического бизнес-плана, тщательно просчитанного и выверенного. Это была политика «экстрима», в которой практически не было никакого созидания и вся суть которой сводилась к латанию дыр и «устранению протечек» на отдельных участках хозяйственной и социальной инфраструктуры. Далеко не случайно, что одним из немногих популярных в народе министров, причем министров-«долгожителей», переживших всех премьеров и при Б. Ельцине, и при В. Путине, является глава МЧС Сергей Шойгу.

Только в 2005 г. в поисках ответов на традиционный для России вопрос «что делать?» наметился некий прогресс. Президентом России были озвучены и запущены 4 приоритетных национальных проекта, а претендующая на статус правящей партия власти «Единая Россия» наконец-то обзавелась программой строительства в России «суверенной демократии». Хотя, если судить по заявлениям ее лидеров, ясности и четкости по поводу того, что представляет собой эта демократия и чем эта демократия отличается от других, пока нет.

Эта неспособность новой политической элиты России к научно-теоретическому осмыслению происходящего и адекватному реагированию на вызовы времени — к инициированию инноваций и нововведений, которые объективно назрели, — не что иное, как проявление самого настоящего интеллектуального дефолта в стратегическом руководстве и управлении страной.

Не случайно 26 октября 2006 г. — на следующий день после общения В. Путина в прямом эфире с народом, в ходе которого ему пришлось «отдуваться» за все «грехи» власть исполнительную имущих — тогдашний председатель федерального правительства М. Фрадков поставил членам своего кабинета неутешительный диагноз: «коллективная безответственность», связанная с «организационной немощью и не-

достаточным знанием предмета», т.е. того, чем руководишь и чем управляешь.

Наглядный пример тому — бездарная монетизация льгот, которая была проведена без точных расчетов в плане как ресурсного обеспечения, так и прогнозирования последствий. В результате получился жуткий «тяп-ляп», напомнивший простым россиянам беспощадные по отношению к ним 1990-е годы гайдаровской «шоковой терапии».

Налицо ситуация, которую иначе как парадоксом назвать нельзя: «низы хотят», а «верхи не могут». И общество, готовое к развитию в новых условиях, сталкивается с бездарной элитой — элитой, беда которой в том, что ярких лидеров, действительно талантливых, стратегически мыслящих политиков и руководителей в ней можно пересчитать по пальцам. В основном преобладает серая, безликая масса, чей функциональный алгоритм сводится к тому, чтобы, говоря словами В. В. Путина, «жевать сопли», т.е. не высовываться, не проявлять инициативу, ждать директив и инструкций и действовать только по приказу сверху.

Объективности ради следует отметить, что в технократической немощи российских властей есть определенная доля вины тех, кто призван «советовать царям», т.е. ученых-экономистов, социологов, юристов и других представителей научной интеллигенции, которые оказались явно не на высоте возложенной на них миссии. Они не справляются с решением ключевой в этом плане задачи — с научно-теоретическим и информационно-аналитическим обеспечением стратегии рыночных реформ. То есть стратегии, которая учитывала бы индивидуальность России, ее неповторимую историю, душу, природу, а не сводилась бы к простому (механическому) заимствованию западного опыта, засорению национальной почвы насильственными имплантациями чужеродных рыночных схем и конструкций.

В апреле 2006г. автор данной статьи принимал участие в работе IV Всероссийского конгресса политологов, на открытии которого патриарх отечественной политологии Федор Бурлацкий пожурил политологов за то, что они во многом остаются «холопами» чужой мысли и все еще не обрели интеллектуального суверенитета. Этот упрек в начетничестве, когда умами в научном мире России, говоря словами Н. А. Бердяева, «владеют то Маркс, то Кант, то Штейнер, то иной какой-нибудь иностранный муж», в полной мере можно адресовать также ученым из других отраслей социально-гуманитарного знания.

Есть очень большая доля истины в том, что говорит в этой связи сподвижник Д. С. Лихачева академик А. М. Панченко: «Мы за всю свою историю не придумали ни одного экономического закона. Онегин и тот читал Адама Смита, которого они (западные люди. — *О. М.*) для себя придумали, живя в том обществе, — как и Карл Маркс, кстати. А мы все по глупости перенимаем, как Хрущев — кукурузу, не посмотрев даже на глобус. Как у нас не было экономистов, так и нет. Как не было философов, так и нет, потому что все философы, которых мы читаем, которыми гордимся, — Чаадаев, Владимир Соловьев, Бердяев — все это поэты. А Гегеля и Канта у нас нет».

Здесь, правда, есть одно «смягчающее вину» обстоятельство, а именно: отсутствие сколько-нибудь значимого социального заказа на социально-гуманитарную науку со стороны властей. Сравнивая российскую и китайскую модели развития, аналитики Института мировой экономики и международных отношений в докладе «Россия и мир в 2007г.» среди преимуществ Китая называют наличие спроса со стороны высшего политического руководства на долговременную стратегию развития. У нас же (в том числе на уровне бизнес-элиты) предпочтение отдается текущей выгоде в ущерб стратеги-

ческим задачам. Всякого рода «раздоры» среди министров, а также среди чиновников в верхних эшелонах власти чаще всего связаны с ожесточенными спорами не о том, «как нам обустроить Россию», а главным образом о том, как (говоря словами политического обозревателя «АиФ» В. Костикова) «поделить бюджет, как потрафить друзьям-лоббистам, да и себя не обидеть».

К вопросу о том, заинтересована ли отечественная бюрократия в дальнейших реформах

Было бы, конечно, неверным представлять дело таким образом, что у власти в России сегодня люди, которые не ведают, что творят. По существу, мы имеем дело с избирательной бездарностью — бездарностью в том, что касается заботы об общем благе и служения Отечеству. И талантливостью (почти гениальной) в том, что касается искусства «всем отмерять — себе отрезать», т.е. баснословно обогащаться, наживая миллионы и миллиарды.

При этом они провозгласили право на «прихват» всего, чем распоряжаются и чем управляют. Основательно разрушив все государственно-правовые и нравственно-этические императивы и табу в том, что касается технологий личного обогащения, нынешние «вершители» судеб России напоминают рыбака-браконьера, который только и умеет, что ловить рыбу в мутной воде. Что касается «чистой воды», т.е. прозрачных, законом упорядоченных технологий, то они для него смерти подобны. И он делает все для того, чтобы этого не допустить.

Е. Строев замечает в этой связи: «У части общества — людей из самых разных социальных страт, от «челноков» до не малого числа представителей директорского корпуса и бизнеса, — формируется

потребность в устойчивости именно такого состояния, в котором они нашли и освоили ниши: в одном случае — для выживания, в другом — для обогащения. Эти слои, безусловно, против возврата назад. Но это вовсе не означает, что они за движение вперед, к новому упорядоченному состоянию реформируемого общества».

Однако Строев явно лукавит, относя к противникам дальнейшего продвижения России по пути рыночных реформ только номенклатурные и криминально-теневые предпринимательские страты — тех из них, которые появились на свет в условиях неразберихи и, разбогатев на ней, действительно, боятся порядка и честной конкуренции, как черт ладана.

Недосказанная правда заключается в том, что в кругу социальных противников свободного рынка в России роль первой скрипки принадлежит не этим стратам, а правящей бюрократической и политической элите. Именно эта корпорация «сильных мира сего» больше других заинтересована в том, чтобы сохранить условия, «выпестованные» ею в результате перетряски под себя всей системы общественных отношений, т.е. условия, в рамках которых власть и бизнес запрограммированы на то, чтобы «слиться в экономическом экстазе». А отношения собственности опосредуются формулой: власть порождает собственность, а собственность приращивается своей близостью к власти.

Если перефразировать В. Маяковского, то получится, что в России рыночной, как и в России социалистической, эти две категории по-прежнему «близнецы-братья». С одной лишь, но принципиальной разницей: теперь эта собственность из государственной «конвертирована» в собственность частную.

«Власть и собственность — одно и то же. Если у тебя есть власть — у тебя есть собственность. У тебя есть собственность, но нет власти — так у тебя и собственности

не будет». Сомневаться в правоте этой максимы не приходится. Она принадлежит не кому-нибудь, а одному из ключевых идеологов рыночных реформ, стоявших у истоков капитализации России, — Егору Гайдару.

В этом же русле высказывается и руководитель сектора изучения элиты в Институте социологии РАН Ольга Крыштановская, подчеркивая, что «богатым в России позволяет быть власть, которая... использует разрешение богатеть как свой ресурс, как привилегию, которой можно награждать достойных. Тех же, кто позволил себе разбогатеть, не заручившись поддержкой власть имущих, ждут репрессии и разорение».

В этом свете «жевание соплей» приобретает совершенно иные смысл и значение. Это не только (и, возможно, даже не столько) проявление технократической нелегитимности власть имущих, сколько своеобразная (пассивная) форма активного саботажа всего того, что угрожает их господству, что способно основательно разрушить условия их нынешнего всевластия и процветания.

Именно здесь кроется ответ на вопрос о том, почему до «отмашки» президента верховная власть «безмолвствовала» и закрывала глаза на существование в стране десятков тысяч казино, напрямую связанных с криминальным миром. На то, что все рынки у нас контролируются преступными этническими группировками. На то, что процветают строительные пирамиды под красивым названием «Социальная инициатива» и доходы жилищных спекулянтов в России превышают доходы в наркобизнесе. На то, что многие банки — на самом деле не банки, а «прачечные» по отмыванию и переправке за границу теневых миллиардов.

Ответ на это «почему» предельно прост: только потому, что кому-то из высокопоставленных чинов во власти это было выгодно. Это приносило баснословные барыши в виде «отката» за «крышевание», а то и прямого вхождения в «долю».

Отсюда вытекает и ограниченная во времени полоса и энергия реагирования. Изначальный (после вмешательства президента) всплеск активности и борьбы с рыночными аномалиями и их носителями-«оборотнями» вскоре переходит в фазу постепенного угасания, «нажатия на тормоз», в итоге все возвращается на круги своя. «Гора если и рождает, то только мышь» — да и то в лучшем случае.

Возьмем хотя бы в качестве примера ту же «решительную борьбу» с наводнившими страну казино. Сначала, как саркастически отмечает Вячеслав Костиков, «прогудели на всю страну: выведем за пределы городов! Сошлем в Сибирь! Загоним за Дальний Восток! И что же? Прошло несколько дней, и... оказывается, все не так страшно. Закроют, но не все. Да и то к 2009 году. То есть после президентских выборов. А там, глядишь, либо новый президент забудет, либо у чиновников случится очередной запор с проводкой решения».

Из всего сказанного следует как минимум два вывода.

Первое. Сегодня в качестве итога рыночных реформ мы имеем разваленную экономику (когда-то вторую по масштабам экономику мира), действующую пока только как нефтегазовая труба. Когда миллионы простых россиян совершили головокружительное падение вниз — на самое дно, на фоне сверхбогатства немногих, то это не есть неизбежная плата за рынок. Это не что иное, как плата за то, что фактически к власти пришли не демократы, а «необольшевики», способные только разрушать, но мало что понимающие в том, как надо созидать. А ломать, как известно, не строить.

По мнению одного из самых известных британских экономистов лорда Роберта Скидельского, «ошибка реформаторов прошлого десятилетия заключается в уверенности, что на развалинах очень быстро возникает новая жизнь». На самом де-

ле это не так: «если вы что-то уничтожаете, вы оставляете после себя пустыню». Вот потому-то у нас в России повсеместно сплошные руины и временки, а чего-либо выстроенного основательно — что называется, на века — до сих пор как не было, так и нет.

Пророчески оказался прав Н. А. Бердяев, когда писал: «Внезапное падение советской власти без существования организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития... представляло бы даже опасность для России и грозило бы анархией».

Второе. Российское государство, будучи по определению «государством-бюрократией», объективно не заинтересовано в доведении рыночных реформ до их логического конца, а именно в передаче большей части экономической власти в руки частного предпринимателя. Ибо тем самым оно отрицало бы самое себя. И органы управления из властвующих по отношению к управляемым неизбежно превратились бы в сервисные, т.е. в их (управляемых) обслуживающие. Многочисленная иррациональная бюрократия уступила бы место малочисленной рациональной, чиновника — распорядителя собственности и ресурсов (а также главного «легитиматора» и «куратора» предпринимательской и коммерческой деятельности) сменил бы профессиональный чиновник-управленец, т.е. тот реальный «слуга народа», коим уже давно фигурально именуется себя любой высокопоставленный отечественный бюрократ.

Именно это имел в виду В. Путин, когда на совещании с руководителями правоохранительных органов страны 21 ноября 2006 г. подчеркнул особо: «Деньги и власть должны быть разъединены... Хотите зарабатывать деньги — идите в бизнес. Хотите служить государству и реализовывать себя на государственной службе — живите на государственную плату». Совмещать то и другое — значит нарушать закон, в угоду

личному обогащению предавать забвению государственные интересы, служить «мамоне», а не общему благу.

Если в обобщенном — так сказать, суммарном — виде обрисовать «общественное лицо» нынешней политической и бюрократической элиты, то оно явно не вызывает симпатии. В качестве наиболее выпуклых черт-детерминантов этого «лица» выступают:

- преобладание корпоративных интересов над публичными, общенациональными, эгоцентрических мотиваций (группового и личного эгоизма) над социоцентрическими (желанием «послужить Отечеству»);

- недостаток общей и профессиональной культуры, низкий уровень управленческой компетенции, дефицит ярких лидеров, талантливых политиков;

- высокая степень бюрократизации с такими органически присущими ей пороками, как круговая порука, преобладание аппаратной логики, волокита, чиновничьи и т.д.;

- крайний аморализм, «круто» замешанный на обмане, необязательности в делах, беззастенчивой демагогии, действиях по принципу «цель оправдывает средства»;

- отсутствие иммунитета к коррупции, генетическая предрасположенность и готовность извлекать «статусную ренту» из своей должности (т.е. вымогать и брать взятки);

- утилитарный прагматизм и беспринципность, отсутствие интереса к научно-теоретическому осмыслению происходящего, неспособность находить и инициировать новое;

- отсутствие общенациональной сплоченности, преобладание клановости, постоянные групповые разборки и междоусобицы, подрывающие авторитет власти в глазах населения;

- все большее дистанцирование от народа, пренебрежение к его нуждам, к не-

обходимости обеспечить хотя бы минимальный уровень социальной защищенности и решить проблему бедности (физиологической выживаемости человека как биологического существа).

Драматизм ситуации усугубляется тем, что на отечественном «политическом поле» пока не видно обнадеживающей альтернативы. Сплошь маргинализованная оппозиционная элита варится в той же политико-культурной среде, отличающейся конфронтационностью, нетерпимостью к инакомыслию, авангардистской самонадеянностью. А ее наиболее организованная часть устремлена не столько в будущее, сколько в прошлое. По причине отягощенности фундаменталистскими представлениями либо национально-почвеннического, либо реставраторского толка эта элита во многом является оппозицией не завтрашнего, а вчерашнего дня.

В этом свете очевидно, что, для того чтобы в России появилась действительно новая демократическая элита, должен произойти отказ от нынешней закрытой кадровой политики — «междусобойчика», в рамках которого одни и те же «короли» и «валеты» плавно перемещаются из кресла в кресло, тогда как свежая кровь ниоткуда не пребывает. Доступ к власти для не «своих» наглухо закрыт.

Сломать эту губительную для будущего страны практику означает необходимость как можно скорее запустить в обществе реально действующий демократический механизм открытого и гласного отбора (селекции) «вождей». В политику должно прийти новое поколение людей «со стороны», без «старорежимных» традиций и ухваток, с мотивацией послужить не себе и своему ближайшему окружению, а Отечеству, сделать для России что-то полезное.

Должны прийти лидеры, способные генерировать идеи и идеалы, вокруг которых можно будет объединить и мобилизовать массы, с помощью которых можно будет преодолеть традиционный раскол между народом и властью. Необходимо разработать стратегию общественных преобразований — не «частную (касающуюся отдельных сегментов экономики или политики) и не краткосрочную, а общенациональную долгосрочную, ориентированную на возрождение и развитие страны как великой и процветающей державы. В укладе (в привычных практиках) организации народной жизни должны будут органически сочетаться как общецивилизационные, так и национальные ценности и идеалы.

Статья поступила в редакцию 17.01.2009

*O. Mushtuk, PhD (History), Professor, Head, Political Science Chair,
Moscow University of Industry and Finance, mushtuk@mail.ru*

THE STATE AS AN ENTITY THAT CUSTOM-TAILORS THE RUSSIAN BUSINESS ENVIRONMENT

The market is traditionally seen by the public as a scene where the private property is clearly dominating and where the private businesses are enjoying the real freedom. The article author enters the hot debate and describes the problems that are faced by the players who operate on the Russian market where the system-forming core of the forcefully established social relations is a thick bureaucratic layer whose members are well-protected and act as a self-governing omnipotent force. According to the author, it is impossible to change the situation for the better unless a new generation of people that would want to serve the Motherland and not themselves and their inner circle comes to power.

Key words: manufacturing methods that pertain to Asian countries, technocracy, illegitimacy, bureaucratic state, political elite and the establishment, national values and idols